

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Разработка серийного оформления *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*
Редактор серии *А. Антонова*

Бачинская, Инна Юрьевна.
Б32   **Игла в сердце : [роман] / Инна Бачинская. — Мос-**
сква : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-106371-9

В комнате Инги Борисенко, жены крупного бизнесмена, недавно погибшей от передозировки снотворного, найден «подклад на смерть» — исколотая иголками тряпичная кукла вуду. Кто и зачем подбросил Инге страшный подарок? И действительно ли случайной была ее гибель? Вскоре такая же кукла обнаруживается в другом месте, потом в третьем, четвертом. И снова — покушения, мистический ужас, странные смерти. Расследованием череды запутанных преступлений одновременно занимаются капитан Астахов и частный детектив Александр Шибяев, которому неожиданная встреча с «кукловодом» может стоить жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106371-9

© Бачинская И.Ю., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Никому не отпустила и не отпущу –
Одному не простила и не прошу
С дня как очи раскрыла – по гроб дубов
Ничего не спустила – и видит Бог
Не спущу до великого спуска век...
– Но достоин ли человек?..
– Нет. Впустую дерусь: ни с кем.

Марина Цветаева.
Никому не отпустила и не отпущу...

Все действующие лица и события романа
вымышлены, любое их сходство с реаль-
ными лицами и событиями абсолютно
случайно.

Автор

Пролог

Месяц задумчивый, полночь глубокая...
...И сновиденьем, волшебною сказкою
Кажется ночь...

И. Бунин. Месяц задумчивый...

...**Е**е разбудила музыка. Она прислушалась. Чья-то неторопливая рука перебирала клавиши фортепьяно в гостиной. Мелодии не было, просто неровные слабые звуки. В спальне горел ночник – тусклый голубой овал лежал на белом коврик у кровати. Она отбросила одеяло, спустила ноги и почувствовала мягкий ворс. Показалось? От напряжения звенело в ушах. Она сглотнула и перевела дух. Конечно, показалось. Расшалились нервы, таблетки не помогают, нужно менять доктора.

Она уговаривала себя и успокаивала, испытывая тоску и тревогу, понимая, что не показалось, а если все-таки показалось, то она сошла с ума. Володя считает ее истеричкой, так и сказал: «Истеричка!» Он не верит, что она по ночам слышит музыку. Говорит: «А голосов не слышишь?» – и так смотрит...

Музыка послышалась снова. Мягкие вкрадчивые звуки. Она вскочила с кровати и бросилась из спальни.

В гостиной было светло от луны, на полу лежали черные тени – переплеты оконных рам. Крышка пианино была поднята – резко бросались в глаза черные и белые клавиши, – табурет отодвинут. Большая фотография, ее любимая – они с Володей на лыжном курорте в Зальцбурге, она в белом костюме, Володя в голубом, с лыжами на плече, радостные, смеющиеся, счастливые, – лежала на полу изображением вниз. Шторы были раздернуты, хотя она лично каждый вечер проверяет, чтобы их задергивали на ночь. Или задергивает сама. Она застыла на пороге и прислушалась. *Этот*, кем бы он ни был, еще здесь. Он не мог уйти, она услышала бы, как закрылась дверь. В доме стояла тишина. За окном была ночь и светила луна. Зияла чернотой распахнутая дверь в кабинет Володи.

– Эй, ты! – вдруг закричала она, до боли сжимая кулаки. – Пошел вон! Ненавижу! Что тебе надо? Сволочь! Подонки!

Она кричала и топала ногами, вне себя от злобы, тоски и гнева. В гостиной стало темнее – луна скрылась за тучей. Она сделала несколько шагов, намереваясь поднять фотографию, и вдруг почувствовала, что скользит; задохнулась от ужаса, взмахнула руками, пытаясь удержаться, и упала – рухнула как подкошенная, почувствовав под собой мокрое и холодное... Кровь!

Она сидела на полу, рассматривая собственные руки, пытаясь оттереть их о ночную рубашку.

– Господи! – взмолилась. – Не мучай меня! Что тебе надо? Зачем?

Ей показалось, что в глубине квартиры захлопнулась дверь; она закричала — тонко, пронзительно, спрятала лицо в ладонях и потеряла сознание...

Глава 1 За расставанием будет встреча?

Номер гостиницы, не самой богатой, но вполне приличной. Маленький островок, за которым враждебный мир, и только здесь они могут быть вместе. На пару часов всего. Пара часов любви, ласки, обмена мыслями и откровениями. Голова женщины лежит на плече мужчины.

— Твои волосы так пахнут... — бормочет он. — Я скучаю по тебе, ты мне снишься. Ты мое наваждение...

— Мы сейчас почти не видимся, я тоже скучаю. Ты говорил, что придумаешь что-нибудь...

— Я все время об этом думаю. Нужно подождать, ты же сама понимаешь...

— Понимаю, но я устала... Если бы ты знал, как я устала!

— Потерпи немного. Я люблю тебя. Ты мое чудо нежданное-негаданное.

— Это ты мое чудо! Я тоже тебя люблю. Поскорей бы. Мне так одиноко, лежу ночью и думаю, вспоминаю... — Она прижимается к мужчине, смеется. — Щекотно! Ты дышишь мне в волосы!

Он дует ей в волосы, она зажмуривается.

— Перестань! А то я улечу.

— Не улетишь, я тебя держу.

— Держи крепче, — она вздыхает. — Когда же? Я устала ждать, ты говорил...

— У нас все будет! — перебивает мужчина. — Нужно только подождать, я что-нибудь придумаю. Ты мне веришь? Главное — верь мне.

— Верю. Но... хотелось бы побыстрее.

— Несмотря ни на что, мы вместе, и это главное. Ты это понимаешь? — Он наливает в бокалы на тумбочке шампанское, протягивает один ей. Они пьют, глядя друг дружке в глаза. — Иди ко мне! — Мужчина отбрасывает простыню, прижимает ее к себе. — Ты моя девочка, — шепчет он, — ты сводишь меня с ума, ты снишься мне каждую ночь... Какая ты красивая! — Он проводит рукой по ее груди, целует мелкими поцелуями ее лицо, впивается в губы. — Я хочу тебя! Иди ко мне...

Дыхание его хрипло, ноздри раздуваются, глаза налились кровью. Они сцепились взглядами, он напоминает ей дикого зверя; голова идет кругом от его рук, от шампанского, от запаха его тела...

...Он смотрит на часы. Осторожно снимает ее голову со своего плеча.

— Уже? — Она старается не выказать обиды и разочарования. Очень старается. — Тебе пора?

— Пора, — голос у него виноватый. — Честное слово... Я должен бежать.

— Когда теперь?

— Понимаешь, тут такое дело... — Он запинается и отводит взгляд. — Некоторое время мы не должны видеться. Временно.

— Почему? — Она приподнимается на локте, вглядываясь в его лицо.

— Поверь мне, так будет лучше. Я не могу сказать всего... Просто поверь мне. Это ненадолго. Честное слово.

— Ненадолго... На сколько? — Она ненавидит себя за настойчивость. Она понимает, что ему нелегко. Но не нужно бы ему отводить взгляд...

— На пару месяцев всего. Может, немного больше. Пожалуйста, ни о чем не спрашивай. — Он не смотрит на нее.

— Я позвоню? — говорит она, по-прежнему пристально глядя на него.

— Не нужно. — Он одевается, по-прежнему не глядя на нее. Она наблюдает за ним, сидя в кровати, подложив под себя подушки, обхватив руками колени. Нагая. У нее красивое тело... — Я сам позвоню. Не обижайся, малыш, ладно? Ты же знаешь мои обстоятельства. Идиотская ситуация! — Похоже, он спешит, движения его неровны, он роняет на пол рубаху.

— Знаю. Но ты ведь говорил...

— Сейчас не время, поверь. Все будет хорошо.

Он целует ее в лоб и поспешно выходит из гостиничного номера. Не выходит — выскакивает! Женщина остается одна; все так же неподвижна, все так же обхватив руками колени, она бессмысленно смотрит на захлопнувшуюся дверь. Переводит взгляд на прикроватную тумбочку, где лежит конверт с деньгами...

— Ты же знала, что так будет, — шепчет она. — Ты же все прекрасно понимала. Господи, как все просто. При-

шел, снял напряжение, оставил деньги. Ненавижу! — Она отшвыривает от себя конверт; по полу веером разлетаются зеленые купюры. — Шлюха! Девочка по вызову! И вся любовь. Любовь?

Она рыдает, уткнувшись лицом в смятые гостиничные простыни, давя рыдания, молотя кулаком по гостиничной кровати...

«Перестань реветь, — говорит она себе. — Ты же чувствовала, что финита, ты же все понимала!»

У любви как у птички крылья, летает, где хочет и куда хочет. Горел, сходил с ума, дрожал от нетерпения, затаскивал в машину, летел на красный. В их гнездо, эту гостиничку, единственное достоинство которой — удаленность от центра. Их не должны видеть вместе. Переносил через порог, срывал платье, обцеловывал каждый пальчик... Дня не мог прожить в разлуке. А теперь... Последний раз они виделись три недели назад. Вот и вся любовь. Придет, не спросясь, и уходит, не прощаясь.

«Успокойся, — говорит она себе. — Не накручивай. Мы вместе, он любит... Все еще... Наверное...»

Перед ее глазами — виноватое лицо любимого, его уклончивый взгляд... Она вспоминает поспешность, с какой он одевался, а потом выскочил за дверь... С облегчением! И просьба не звонить, и последнее свидание три недели назад... Не нужно себя обманывать: похоже, ты проиграла, бедная Золушка. Бывает. Не смертельно. Ты ведь тоже бросала, правда? И они тоже корчились от боли, помнишь? Тот, некрасивый, с веснушками, одноклассник... Будь умницей, иди умойся и прими душ. А потом

поужинай с шампанским, здесь неплохая кухня. Закажи в номер. Вон сколько денег!

Нет! Ты надела новое платье — синего тяжелого шелка, с разрезами на боках, с глубоким вырезом, страшно дорогое. Он любит синее! Синий — его любимый цвет. Надела для него, а он даже не заметил. Вот и выйди на люди, хватит прятаться, в новом платье ты... Ты Мисс Вселенная! Так он назвал тебя однажды... Пусть смотрят и думают: а что же она такое отмечает в одиночестве, эта красавица? Какой такой праздник? Вот так бы встать и заявить им в лицо: «Меня бросил мой любимый!» Она представила себе их лица и невольно улыбнулась. Можно еще бокалом об пол. Тоже как бы знаково. Страдать красиво — искусство. Чтобы без соплей и распухшего носа. И вообще.

«Еще не вечер, жизнь продолжается, впереди еще много всего, — говорит она себе. — И не вздумай реветь! Слышишь? Не вздумай! Ты же сама все понимаешь, ты умная девочка. На что ты рассчитывала? Ты же понимала с самого начала, что это тупик. Да, понимала! Но надеялась и верила в прекрасную сказку про ту замарашку с кухни и принца. Не реви, черт бы тебя подрал!»

Но слезы катятся сами; она чувствует холодные дорожки на щеках...

* * *

...Человек обошел дом кругом, проверяя окна. Было у него чувство, что повезет. Он не ошибся: то окно, что смотрело в сад, было лишь прикрыто. Дом был пуст, хозяин ушел, он сам проводил его до перекрестка, где тот

остановил частного и уехал. Тогда он вернулся, чтобы проникнуть в дом.

Человек толкнул раму и оглянулся, прислушиваясь. Уличные шумы почти не долетали сюда, здесь стояла тишина, какая-то заторможенная и выжидательная, и было темнее, чем на улице. Скребла ветка по стеклу, и кто-то шуршал в траве. Человек сглотнул, чувствуя... страх? Скорее, неуверенность. Бояться нечего. *Тот* уехал и вернется не скоро. Он всегда уезжает в это время, ужинает в «Английском клубе» или в «Прадо», иногда один, иногда в компании солидных людей, что странно – уж очень они разные. И дела у них, должно быть, сомнительные...

Он похлопал по карману куртки – фонарик был на месте. Снова прислушался и толкнул раму сильнее. На него пахнуло запахами чужого жилья, и он отпрянул. Потом вскочил на подоконник и спрыгнул на пол уже в доме. Достал фонарик. Луч obeжал комнату по периметру. Это была спальня. Белые стены, громадная черная кровать под черным покрывалом, тумбочка у изголовья, тоже черная, и черная шкура оленя на полу. Черный шкаф во всю стену. Окно, наглухо закрытое темной шторой. Пустота и простота монашеской кельи. Черное и белое. Аскеза, от которой дерет по нервам. Человек поежился – ноздри раздувались от знакомого запаха лаванды, сердце колотилось в горле, готовое выскочить... И волна ненависти. Его захлестнула ненависть! Ненависть, от которой померкло в глазах и появилась давящая тяжесть в животе. Он закрыл глаза, пережидая приступ, стараясь дышать ровно, восстанавливая дыхание.

Он открыл дверь, вышел в коридор. Следующая дверь вела в ванную. Он включил свет и застыл на пороге, с болезненным любопытством рассматривая операционную белизну кафеля, белую занавеску для душа, простой белый коврик на полу. Он подошел к зеркалу над умывальником, взял один из флаконов, открутил пробку, понюхал. Аккуратно закрутил пробку и поставил на место. Взял щетку для волос... Взгляд его упал на собственное отражение, и он попятился: из зеркала на него смотрел человек с чужим лицом. Он был одет в джинсовую куртку, на голове его была бейсболка, в руках он держал щетку для волос, но это был не он! Он не узнал себя! Испытывая ужас, почти животный, он ринулся вон. В коридоре прислонился к стене, тяжело дыша, переживая паническую атаку...

Он безошибочно нашел гостиную; застыл на пороге, обещав лучом скромную обстановку: громадный кожаный диван, журнальный столик, два кресла — одно, с высокой спинкой, развернуто к окну; раздернутые шторы, сереющее окно, от которого, казалось, здесь было еще темнее. Полки по стенам, на них керамика, непрозрачное гутное стекло, дерево, бронза, фарфор: фигурки животных и людей, подсвечники, странной формы сосуды и пивные кружки, причудливые куски дерева и корявые корни, куклы в национальной одежде, бронзовые и фарфоровые колокольчики...

Неподвижные, мертвые, странные, несочетаемые вещи, свезенные бог весть с каких окраин мира и собранные в одном месте... Зачем-то.

В глазах рябит. Музей. Сувениры? Путешествовал много?